

Театр «Сатирикон»

16+

Д. ХАРМС

«Елизавета Бам»

10 сб, 11 вс – 19 ч

А я на ту планету прилетел?

Выпускник мастерской Сергея Женовача Гоша Мнацаканов поставил в «Сатириконе» «Елизавету Бам» по текстам Хармса, соединив их с собственной рефлексией о биографии самого странного российского поэта. Мнацаканов, как знают все, видевшие его «Собаку с дамочкой» в театре «Школа драматического искусства», – большой фантазер и изобретатель сценических миров. Однако на сей раз он ограничил энтропию пределами питерского двора-колодца – выгородка, которую придумал вместе с Антоном Кузнецовым, исполнителем двух главных ролей (в первом акте – Елизаветы Бам, во втором – Хармса), почти физически узнаваема. Создатели предполагают, что абсурдный, страшный и трагический мир Хармса и есть ключ к нынешней реальности. Аппелируя и к 90-м, и к сегодняшнему дню, в спектакле разбираются в извечных русских психотравмах, осмысливая их через гендерные перевертыши и даря героям сочиненные поверх автора печальные монологи.

Режиссерская щедрость позволяет пространно высказаться всем, даже самым странным (а тут, поистине, «не странны кто ж?») героям, о своих тайных мечтах – на удивление просто и столь же неосуществимых. Например, Милиционер (Софья Щербаква) размышляет о параллельной вселенной, где живет такой же, как он, Иван Иванович – и у него по утрам не болят колени, а утром он не выходит на улицу, а вылетает через окно. Мечта о полете, о свободном преодолении пространства – земного тяготения или хотя бы земных тягот – объединяет всех, кого, казалось бы, ничто не может объединить. Разве что комический выход безымянного пожилого режиссера (Алина Доценко), в антракте вещающего в фойе

зрителям о бессмысленности только что увиденного, будет лишен этого стремления. Зато этот смешной зануда сформулирует важное: «Хармс – это юмор и боль». Самоирония Мнацаканова в очередной раз встроена в сам спектакль, но в этом авторском высказывании он все-таки пытается понять инопланетянина Хармса. «А я на ту планету прилетел?» – спросит тут внезапно появившийся и провожающий потом поэта в космическое смертное путешествие Маленький принц (тоже Алина Доценко), и этот вопрос будет центральным – как и рефрен обаятельной старушки «Ребята, вы к кому пришли?». Эта фраза – сигнал к переключению из одного возраста и пола в другой для собравшейся покурить на лавочке странной компании. Шаржировано изображая подростков, настоящих мужиков, стариков и так далее, они показывают тот самый порочный круг насилия, который стал обыденностью для каждого. И пожилого режиссера, выступавшего в антракте, уволят один из полицейских, не дав досказать. Девушки в приклеенных усах и милицейской форме, эксцентричная петербургская бабушка Соседка (она же Старуха) в исполнении Ярослава Медведева, ничего не знающий о собственном ребенке Папаша с повадкой позднего или постсоветского генерала (Полина Райкина) – часть маленькой вселенной, где хармсва абракадабра становится знаком беспощадного взрослого мира, дурацкие фокусы – сомнительным способом разрядить обстановку, а «гибель уха – глухота» – универсальным диагнозом. Здесь от безысходности грязных парадных стреляются неуклюжие угловатые подростки, двери распахиваются в черную бездну, выпуская на свет фантастических существ и блуждающие по нашему подсознанию страхи. Странная девочка

Лиза – такой же маргинал, как Хармс, органичная в петербургском мире, но не в мире вообще. Уже во втором акте на той же лавочке, где сидела смешная Соседка и сама девочка Лиза, появится другая старуха (Ася Войтович). Она так долго будет сидеть, замерев в неудобно-угловатой позе, что ее можно будет всерьез принять за манекен. Но потом вдруг распрямится и окажется другим петербургским поэтом – Анной Ахматовой, которая тоже говорит и своими стихами, и строчками Хармса. Она предложит странному поэту другой взгляд на действительность, которую он предпочел бы вовсе не замечать: трезвое и обреченное осознание того, что настало время «Реквиема» – во многих смыслах. И может быть, говорит она, так и надо сейчас писать, так говорить о времени – на непонятном, нелогичном, ненормальном языке то ли гения, то ли сумасшедшего. Вот только простой человеческой любви, о которой Хармс мечтает так же, как все остальные, ему не дождаться. Но сама мысль о том, что две крайности, два на первый взгляд взаимоисключающих способа видеть реальность и говорить о ней, имеют равное право на существование и даже могут быть в диалоге, – принципиальная часть этой сцены и спектакля как такового. Правда, объединяет крайности и общая участь – обреченность, и двор-колодец превратится в страшное пространство застенка, где все – полумертвые, доживающие, с гипсовыми белыми лицами – среди жертв репрессивной машины смотрят телевизор и сами, как мешки, валяются посреди передачи на пол. Почти обезумевший от страха Хармс судорожно декламирует свои строки – включая молитву, – в отчаянной попытке отвлечь от себя внимание очередного сюрреалистического чудовища. Но река времен, как известно, уносит все дела людей. И неважно, пишешь ли ты мужественно-простые стихи, как Ахматова, или жестокие парадоксы, как Хармс; травишь байки или занимательно пересказываешь свою биографию; плачешь о прошлом или о будущем, ушедшем или несбывшемся. Фрик, гений, инопланетянин –

«Елизавета Бам»
Фото: А. Иванишин

Хармс как квинтэссенция художника, всей своей сутью противоречащего окружающей реальности, есть порождение этой реальности, он вбирает ее в себя. И хотя создатели спектакля смело подчеркивают именно странность текстов поэта – мол, нормальные-то стихи у тебя есть? – окажется, что парадокс, быть может, и есть самый точный ответ, особенно если не можешь или не смеешь быть Ахматовой. Нормальных нет. Потому что нормальным языком не описать этот прекрасно-ужасный мир, где за желтыми окнами не ждут, а поэт – вечный инопланетянин, неприкаянный, как Маленький принц. Изломанные, исковерканные души – такова и пластика актеров. Не слышанный голос – хармсов птичий язык и современный поток сознания городских сумасшедших. А главное – порочный круг насилия, который начинается с родительского непонимания и неизбежно ведет к концлагерю или дому престарелых, двум пространствам горестной смерти, стертых лиц и падающих на голову трупов. В эту сансару из распахнувшегося в финале звездного неба обязательно вернется Хармс – вероятно, чтобы снова описать неопишное и сгинуть в нем.

Елена Алдашева

РЕЖИССЕР-ПОСТАНОВЩИК: Г. МНАЦАКАНОВ.
СЦЕНОГРАФИЯ: Г. МНАЦАКАНОВ, А. КУЗНЕЦОВ.